

Астафьев Виктор Петрович Под одной крышей astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Под одной крышей
Виктор Петрович Астафьев

Банальное, устарелое умотолкование знаю. Но не могу обойтись без него, приступая к заметкам о сборнике, в котором начиная с обложки и потом почти с каждой страницы бьют по глазам слова: «22 поэта!», «22 поэта!». Речь идет о новом коллективном поэтическом сборнике «Современники», выпущенном Пермским издательством, сборнике, хорошо оформленном, солидном с виду и, к сожалению, малосодержательном, претенциозном по существу....

Виктор Петрович Астафьев

Под одной крышей

Под одной крышей

Не все то поэзия, что названо стихом, и далеко еще не поэт тот, кто научился рифмовать строчки и составлять слова столбиком.

Банальное, устарелое умотолкование – знаю. Но не могу обойтись без него, приступая к заметкам о сборнике, в котором начиная с обложки и потом почти с каждой страницы бьют по глазам слова: «22 поэта!», «22 поэта!». Речь идет о новом коллективном поэтическом сборнике «Современники», выпущенном Пермским издательством, сборнике, хорошо оформленном, солидном с виду и, к сожалению, малосодержательном, претенциозном по существу.

Более пятидесяти стихотворений напечатано в «Современниках» и две поэмы. Есть ли в нем поэзия? Да, есть. Но ее так мало и так долго ее надо отыскивать, что иной нестойкий читатель выдохнется, устанет, продираясь к настоящему слову сквозь чашу безвкусицы, «ударные концовки», «поэтические находки», сквозь «волос твоих долгие ливни», сквозь «пальцы на черном столе», сквозь «узел губ», «первый политбой» и «комсомольские райкомы», в которые, оказывается, заходят «запросто, как в сны», сквозь строфы, в которых призывают «замаливать стихи».

Замаливать!.. Взмолиться пришлось бы от этого сборника, если бы не было в ней «Предрассветной баллады» Бориса Ширшова, поэмы Михаила Смородинова «Горький мед», стихотворения Владимира Соболева «Говори мне о любви»... Но вот и заколодило: только что прочел сборник и не единожды, а уж память напрягать надобно, чтобы отыскать поэтические «золотинки» настолько мало их в книжке.

Что еще?

«Убрали сено» Юлиана Надеждина, «Улетая» Виктора Широкова, «Сентябрь» Николая Кинева. Но это стихотворение можно принять лишь с оговоркой: автор не сумел остановиться вовремя, дописал риторическую концовку, в коей начал объяснять «вышеизложенное», не доверяя ни читателям, ни себе.

Есть и еще стихи в сборнике, которые могли бы называться стихами, не будь они затуманены зауем, претензиями на сложность. Молодые авторы особенно «завинчивают» концы стихотворений. Пожалуй, всех других авторов «переплюнул» в этом смысле Леонид Юзефович циклом стихотворений, объединенных названием «Узел губ». Весь этот цикл – о губах, точнее, об «узле губ». И резвится же молодой автор! На его висок «медленно слетает любимой обнаженная рука», и прозреньем на его душу «ставит печать», и он начинает «с презреньем все шорохи мира встречать». И «губы неизбежного полудня» касаются его лица, и ему «бессмертие снится», и он раскаивается в том, что «пришел молиться на распятое твоей руки», и «у влюбленных руки виснут, хоть губы связаны узлом», а то «заглянет в душу звезды косматая душа!»

Астафьев Виктор Петрович Под одной крышей astafevictor.ru
Можно сказать – тарабарщина! Да. Но не простая тарабарщина, а «интеллект-туальная!». Ничего-де, что мысль плохо или вовсе не улавливается: зачем они, мысли-то?! Немодно. Сейчас принято, мол, ассоциациями действовать на читателя, умственностью его давить. И найдутся читатели, которые робко пролепечут: «Да, тут что-то есть. Умно очень. Я, правда, не понял, ну так это моя беда, а не поэта вина...»

Не надо бы все-таки эксплуатировать наивное представление о читателях. Он, читатель-то, как-никак Пушкина, Некрасова, Лермонтова в школе «проходил», а потом по доброй воле, без понуждения учителей – Есенина, Блока и Ахматову читал, Кедрина знает и даже до Заболоцкого, до Луговского и до Мартынова добрался. Не такой уж он наивный, наш читатель, чтоб зерно от половы не отличить.

Он любит великую русскую поэзию, он воспитан ею. И грешно обманывать эту любовь! Грешно молодому поэту забывать о том, после кого и чего он идет на читательский суд и с чем идет! С добротной сделанной работой или едва зарифмованными строчками, недоношенными мыслями, а порой и вовсе без них.

Мне могут сказать: «Вы уж очень строго! Молодые еще!» А кто сказал, что с молодых спрос меньше? Поэзия – не домашнее рукоделие, это работа, и какая! Но работы-то как раз и не чувствуется за многими стихами авторов, представленных в сборнике.

Возьмем для примера стихотворение Нины Авериной, открывающее сборник «Современники»:

Эти тихие улицы старых больших городов,
Где все так постоянно, незыблемо, невозмутимо...
Хрусткий шорох листа,
Громогласная робость шагов,
Молчаливость оград
И рябиновая неповторимость.

Ты сюда завернешь просто так: побродить, помечтать,
Разобраться в себе,
Отдохнуть от забот и напастей.
Запрокинув голову, возле берез постоять,
Подчиняясь неволью
Их строгой, доверчивой власти.

В каждой жизни должны
Быть минуты свиданья с собой
Не приврать, не убавить, не вымучить, не оправдаться.
Загораются звезды.
Наверно, пора возвращаться.
Загораются звезды над улицей и надо мной.

Поработай над этим стихотворением Аверина как следует, так и сама, глядишь, обнаружила бы, что «громогласная робость шагов» – не что иное, как «в огороде бузина...». А «молчаливость оград и рябиновая неповторимость» обветшавшая литературщина и что меланхоличные слова «побродить, помечтать» очень мало оставляют надежд «отдохнуть от забот и напастей». Наверное, уловила бы Аверина и вяловатую, безжильную ритмику стиха и что трудно читаются в лирическом произведении отнюдь не лиричные слова: «незыблемо, невозмутимо», что, стоя рядом, «зызывают» они, разбивая строй стихотворения.

Мало поработала, сырые стихи предложила в сборник Аверина, а составители сборника нет чтобы сказать молодому автору: «Ратуешь „за эту мудрость красоты в неприятельном обличье“, так потрудись, попотей», взяли да еще сырыми стихами сборник открыли.

Я сначала не понял – почему? И лишь потом догадался: фамилия автора на букву «А», и сборник составлен без лишней мудрости, по алфавиту, и коли автор «Предрасветной баллады» на «ши», так он и оказался в конце. Ей-богу же примитивно.

На стихах Нины Авериной я остановился не потому, что они самые плохие в сборнике. Есть хуже. Но стихи ее очень уж характерны для тех, кто уподобляется

Астафьев Виктор Петрович Под одной крышей astafevvictor.ru
человеку, не стоявшему на коньках и сразу решившему заняться фигурным катанием.

Очень осязаемо стремление у многих молодых пермских авторов проскочить годы ученья и сразу же начать выделять сложные поэтические фигуры. А что из этого получилось, судите сами:

Встаю,
Готовый заново с тобою
Твои рассветы
И тебя менять.
Ты лишь возьми меня
ты сможешь это,
Мы вместе поведем тебя
вперед...
Качается тайга,
Летит планета,
Российский ветер
В окна века бьет.

(Валерий Бакшутков)

Напрасно гадать, с кем Бакшутков «готов заново рассветы и тебя менять», кого «мы вместе поведем вперед»? Одна лишь строфа в этом отрывке вразумительна, последняя, да и та из Луговского взята.

Есть и такие стихи, где авторы во что бы то ни стало хотят удивить «ученостью». Так, у Семена Ваксмана в стихах – и «Мелодия Гершвина», и «Издательство „Артия“», и «Хромой Магеллан» со «Шхунной своей „Тринидад“», и «Улисс и Итака», и «С перстами пурпурными Эос».

Как у дядюшки Якова – товару всякого, вот только поэзии кот заплакал.

А вот стихи обратного порядка, под «народ», без всяких там «Эос с перстами»:

...Ну-ка,
шибче двигай,
Чалый.
Хоть и чую,
ты зачах
часто
Нас с тобой
качало
с вечной ношей на плечах?!

Есть боль,
Есть жуть.
Да не в них
Жизни суть.
Лучше
Пальцем пахать,
Чем, как бабочка, порхать!

И подлинно, уж «лучше пальцем пахать», чем пустую трескотню печатать. Приведенный отрывок – из поэмы Валерия Варзакова «Землепашцы!». Думается, рано братья автору за поэмы. Ему бы поучиться поработать, и тогда сам бы понял, что не читателей, а его дело разбираться, «где чьи руки-ноги, где чья голова?» (из той же поэмы).

В молодежном сборнике есть стихи и старших, профессионально работающих поэтов. Однако Домнин, Решетов представлены здесь не лучшими стихами, и ничем они не выделяются среди остальных. Мало того, два стихотворения Алексея Решетова – «Пора замаливать стихи», и «Ах, Пушкин, Пушкин...» пожалуй, могут соперничать с произведениями тех авторов, что из кожи лезут, лишь бы выглядеть «оригинальными». Такое ощущение, будто оба эти стихотворения вынуты из пропыленного альбома прошлого столетия, со всем набором потускневших от времени поэтических атрибутов, начиная с «пунша» и кончая «гранитным плащом», «Италии и Натали», а также и «пепла золотых черновиков».

Набор красотостей, вся эта поэтическая бутафория, собранная под одной крышей

Астафьев Виктор Петрович Под одной крышей astafevvictor.ru сборника «Современники», особенно как-то не звучит и не смотрится на фоне лучшего стихотворения сборника – уже поминавшейся мною «Предрассветной баллады» Бориса Ширшова. Просто, ясно, на уже известном вроде бы материале сработана баллада, а сколько глубины, взволнованности и подлинной поэзии скрыто за простыми думами солдата в предрассветный час в окопе, о простом человеческом счастье размечтавшегося. Читая ее, я все время вспоминал грустную и прекрасную повесть Сергея Никитина «Падучая звезда», в которой так же на рассвете, перед атакой, прошелся памятью по своей небольшой еще жизни молодой боец, помечтал о счастье и через минуту после начала боя был убит. Думаю, что баллада Бориса Ширшова – не только отрадное явление в сборнике «Современники», но и большая удача самого поэта. Она по достоинству заняла бы место в любом из «толстых» столичных журналов, а ее засунули на задворки сборника, очень слабого по содержанию.

Итак, двадцать два поэта! А в прошлом сборнике их было сорок два! Убыль заметная, но еще не такая, чтобы вторая книжка отличалась качественно от первой. Мне могут резонно сказать, что, если молодых авторов не печатать – они и расти не смогут. Вы, мол, и сами были молодыми. Забыли? Нет, не забыл. Но мне попались сразу же такие редакторы, которые тут же и понять дали, что литература – это не баловство, и работали со мной строго, спрашивали с меня безо всяких скидок на молодость.

И я, работая с молодыми, читая их, спрашиваю так же. К сожалению, в нашем издательстве не очень утруждают себя работой над текстами, вот и получаются стихи не только путанные, раздражительные, но и безграмотные. Разве это не вычурная безграмотность? «Опять базарный крик, как штора, стоит колом до потолка!» (Борис Гашев). «Все слова растрочены по озерам вброд» (Белла Зиф), которая, видите ли, решила: «Все, что было – спишется. Сухо и светло». И даже заявляет: «Могу на слово сесть и покачаться».

Что написано пером, как известно, не вырубишь и топором. Дурновкусие, небрежение словом, наплевательское к нему отношение останутся и не «спишутся», и, как ни мудри, ни на каком слове не покачаешься. А вот взыскательный читатель головой покачает, столкнувшись с такой словесной развязностью.

Вероятно, из двадцати двух авторов при строгом отборе пятеро или семеро могли претендовать на публикацию. После большой, вдумчивой работы, кроме Смородинова, Соболева, Надеждина, из начинающих авторов и шире, и полней можно было представить Бурылова, Наталью Крон, Стригалева, Широкова, да если б еще наши старшие товарищи поэты дали в сборник доделанные хорошие стихи, глядишь, и получилась бы книжка добротная, полезная во всех отношениях и самим авторам, и читателям, а пока все-таки стихотворное рукоделие, этакий поэтический самодеятельный хор, в котором кто во что горазд.

Время показало: легким отношением к поэзии и еще более легким печатанием молодых не воспитывают их, а развращают, отучая от труда над словом, труда, требующего напряжения всех человеческих сил, а порой и самой жизни.

Вот об этом серьезно размышлять надо и авторам, и издателям, когда они собирают стихотворную продукцию молодых в коллективные сборники, со всей ответственностью работать и тем и другим. И тогда, глядишь, не поэтический ширпотреб, а настоящие стихи получит наш читатель. И порадуетя вместе с теми, кому дорого родное слово, к которому так трепетно, с благоговеньем относились великие русские поэты, оставившие нам любовь и непреходящую тягу к прекрасному.

О любимом жанре

Речь пойдет о рассказе. О любимом жанре. И любимом не только мною. Надо бы подробно поговорить о стиле, языке и эволюции рассказа, о том, что способствовало его развитию и что сдерживало. Но, во-первых, я не силен в теории, а во-вторых, так много наболело, что прежде всего и говорить приходится о наболевшем.

Астафьев Виктор Петрович Под одной крышей astafevvictor.ru
Далеко не все рассказы, появляющиеся в периодике, я читал и читаю, но даже то, что прочитано и запомнилось, представляет собой отрадную картину по сравнению с тем, что было у нас в рассказе лет пятнадцать назад.

Одно лишь перечисление хороших и разных рассказов заняло бы, пожалуй, половину статьи. А ведь есть простая истина, что на голом месте ничего не вырастает. Разумеется, начало всех начал в литературе прошлого. Там у нас такие достижения в новеллистике, такие классные произведения малой формы, что учиться и учиться нам, черпать и черпать.

И однако же возьму на себя смелость заявить, что современные наши писатели не посрамили, а приумножили славу русского рассказа. Далось это не так уж просто.

Перекинемся мысленно к концу сороковых – началу пятидесятых годов. На убыль пошел сделавший огромную работу рассказ, прямо нацеленный, боевой, экипированный незамысловато и просто, как солдат, без лишней «лирики», без обременительных красот, без тонкого анализа «сфер жизни». Рассказ подвига и горя, рассказ борьбы и стойкости характера, он часто писался с натуры, по горячим следам и шел в основном от устного, непосредственно услышанного или записанного рассказа. Склонность нашего народа к устному повествованию оказала и оказывает на русскую новеллистику наиглавнейшее влияние. И любовь читателей к этому жанру проистекает отсюда же – читатель и писатель как бы помогают рождению и совершенствованию друг друга.

Итак, рассказ военных лет сделал свою работу, начал отступать в сторону. Мудро и хитровато прищурясь, он как бы спрашивал: «Ну, ну, что вместо меня, грубошерстного, не очень складного, порой жестокого, последует?»

Увы, на смену ему хлынул поток сладкой стряпни, облепленной медом, кремом, облитой сиропом, преимущественно розовым. А так как из крема, меда и сиропа пирога все-таки не состряпаешь, то начинка оставалась все та же. Но как его, милого трудягу-окопника, устряпали! Сколько на него пишущих мух насело!

И сразу теории появились: это закономерно, так и должно быть, сухари солдатские надоели. Подай сладкого! Победители заслужили!

Но кроме закономерностей теоретических есть еще и жизненные, устойчиво неопровержимые, согласно которым сладкое надоедает даже скорее, чем горькое. Безликий конфетный рассказ очень быстро приелся, однако дело свое успел сделать – честных писателей почти совсем от малой формы отпугнул, новых не подготовил, ибо он бесплоден в своей сущности и ничего родить не мог и не может.

Однако жива была и делала свою работу наша великая дореволюционная литература, литература тридцатых годов, военных лет. Она перемолола и перемелет еще не одно литературное поветрие, поднимала и поднимет не одно поколение писателей на своих крепких плечах, непоколебимых плечах, добавил бы я!

Ей, именно ей, могучей нашей отечественной литературе, обязаны появлением такие превосходные писатели-новеллисты, как Юрий Нагибин, Сергей Антонов, Владимир Тендряков, Борис Бедный, а чуть позднее – Сергей Никитин и Юрий Казаков.

Много писалось, иной раз с иронией, что вот-де Антонов под Чехова работает, Казаков – под Бунина, а Нагибин – под Платонова.

Тяжелее всех пришлось, пожалуй, в этом смысле Сергею Петровичу Антонову (есть в литературе его однофамилец, потому ставлю отчество), ибо Бунин широкому кругу читателей еще не был известен, Платонов – тоже, а Чехов издавался много, почитаем был и читаем, и подогнать Антонова под Чехова, наверное, не составляло большого труда (думаю, что любого русского писателя, при желании и ловкости, «подогнать» можно, ибо каждый из нас любит русскую литературу, воспитан ею, а любовь пристрастна и взаимосвязана!).

Но вот что интересно: обвиняя этих писателей в подражании, а порой и прямо в эпигонстве, наша критика до сих пор не составила себе труда объяснить: а какое же влияние оказали они на современную новеллистику, как сумели пробудить, а потом и повести за собой (именно повести!) сначала жиденький, а затем все более крепчайший строй современных рассказчиков?

Астафьев Виктор Петрович Под одной крышей astafevvictor.ru
Перво-наперво произошло это потому, что они начали писать хорошие рассказы. Разве забудешь номера «Нового мира», в которых появились такие рассказы, как «Дожди» Антонова, «Трубка» Нагибина, «Новый сотрудник» Бориса Бедного? Рассказы, которые и до сих пор составляют честь нашей новеллистике! Кроме того, в своих произведениях перечисленные авторы выступали так, будто им плевать, что рядом, в особенности в тонких журналах, сюсюкал дамский розовенький рассказец, они дали всем понять, что есть прекрасная русская новеллистика, где человек, его характер, его дела и страсти, его поиск смысла жизни и, наконец, русская природа – сущность всего. А если к этому добавить, что в рассказах этих писателей действовал и жил наш современный человек с близкими нам мечтами, страданиями и радостями, то станет понятен такой огромный, разом завоеванный ими интерес к своей работе.

«Им было хорошо! – слышал я не раз от нынешних рассказчиков. – Шаром покати было в рассказе. Сейчас бы попробовали!»

Что верно, то верно. Сейчас потруднее входить в литературу с рассказами. Сейчас тут такое соревнование! Но... Но опять же оно стало возможным благодаря работе и стараниям этих писателей.

Они ведь не только писали рассказы. Они еще и отстаивали их, завоевывали им «печатную площадь» и внимание критики.

Статьи Сергея Антонова в газетах и журналах часто практического характера о том, что рассказ почти исчез со страниц «толстых» журналов, что сборники неохотно и плохо издаются, что надо печатать ежегодник лучших рассказов – эти статьи появились раньше, чем «письма о рассказе». Человек не только писал рассказы, но еще и добивался их «реабилитации», руководил семинарами молодых новеллистов.

То же самое можно сказать и о Юрии Нагибине – сколько его выступлений в поддержку рассказа, сколько рецензий на новые, часто первые книжки писателей, а порой и отдельные рассказы появлялись за его подписью в «Литературе и жизни», в «Литературной» и других газетах. Спасибо им от идущих следом за ними. Своей самоотверженной работой они сделали большое, не только писательское, но и гражданское дело.

Должен заметить, что в ту пору ведущий отряд наших новеллистов большей частью группировался в журнале «Огонек». Тогда этот журнал задавал тон в рассказе. Будучи его читателем, я с нетерпением ждал каждый его номер, и какие радостные открытия тут бывали! «Кордон-217» и «Корзина с еловыми шишками» Константина Паустовского, «Поддубенские частушки» Сергея Антонова, «Сын», «Ночной гость» и восхитительный «Комаров» Юрия Нагибина, «Крах», «По ягоды», «Семь слонов» и другие рассказы Сергея Никитина, «Кассирша», «Непогодь» Николая Воронова, «Скорпионы ягоды» и «Сильва» Руфи Зерновой, «Мокрый снег» Веры Устиновой, «Ожидания» Александра Рекемчука, рассказы Бориса Бедного, Юрия Казакова, Станислава Мелешина, Анатолия Ткаченко и многих других авторов.

Сейчас эти писатели редкие гости в «Огоньке». Как жаль! Журнал массовый, умеющий хорошо оформлять, подавать и поощрять рассказы, взялся печатать детективы с продолжением. Но детективы печатают почти все журналы, тонкие и толстые, а вот культуру рассказа развивают далеко не все. Более того, на мой взгляд, такие журналы, как «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина» и военные журналы, как будто специально существуют для того, чтобы скомпрометировать жанр рассказа, и печатают такие поделки, которые зачастую ничего общего с литературой не имеют. А ведь у них многомиллионные тиражи! И получается, что в массы идет макулатура вместо литературы.

Хочется похвалить тонкий журнал «Сельская молодежь», который на протяжении последних лет упорно стремится объединить у себя лучших наших новеллистов и добился заметных успехов в этом деле. Авторы «Огонька» постепенно переключались туда, где их приветливей встречают. Нагибин, Казаков, Ткаченко, Шукшин, Проскурин, Якубовский, Куваев все чаще появляются на страницах содержательного боевого журнала «Сельская молодежь». Кстати, журнал этот издает приложение, и издает недурно. Не возьмет ли он на себя добрую работу – печатать ежегодник лучших рассказов, тот самый, что молча похерило издательство «Советский писатель»? Это уважаемое издательство само его породило и само его убило, подбирая для сборника не лучшие рассказы года, а те, что составителью были по душе. Составители же начали руководствоваться в последних выпусках сборника не

Астафьев Виктор Петрович Под одной крышей astafevvictor.ru литературными, а конъюнктурными соображениями. И погубили сборник. Был – и нету! Будто корова языком слизнула.

Издание такое необходимо. Надо ж ведь как-то руководить потоком, предлагать читателю действительно лучшее и таким образом приучать его к хорошему рассказу, формировать его вкус.

Есть у нас журнал «Наш современник», которого прямая задача печатать и пропагандировать современный советский рассказ. На мой взгляд, он не всегда справляется с этой работой. Наряду с отличными рассказами, такими, как «Браконьер» Юрия Нагибина, «Кони» Василия Белова, «Ноев ковчег» Александра Борщаговского, «Тиргартен» покойного Василия Гроссмана, маленькими повестями «Падающая звезда» Сергея Никитина и «Затмение луны» Евгения Носова, здесь появляются произведения вялые, тянучие, с плохим языком. И пока тут, к сожалению, больше этих вещей, чем тех, на фоне которых хилость их особенно заметна.

Думается, что более строгий и принципиальный отбор (разумеется, не перестраховочный) для публикации, более активная и настойчивая работа с авторами помогли бы этому журналу быть интересней и не выходить с такой бледной обложкой к читателю, с какой он выходит сейчас.

Одно время началось у нас доброе дело – издание книжки рассказов. Началось оно на периферии, и, если мне память не изменяет, первым стало печатать такие книжки Пермское издательство. Оно отбирало пять-шесть рассказов и в разноцветных обложках, с не всегда хорошим, но броским оформлением выпускало их. Первые выпуски расходились очень хорошо. Но любое хорошее дело таит в себе пороки, если его захлестывает дух кампанейщины.

Пермское издательство придумало, начало, и тут пошло-поехало. Одно за другим областные, а затем и центральные издательства взялись выпускать книжки рассказов, очерков, а где и «кашу» – очерки и рассказы вместе. Прилавок книжный завалили продукцией, дешевой не только по цене, но и по содержанию. Результат?

А перестали покупатели брать тоненькие книжки. Серийное производство погубило их. Сейчас осталась в живых лишь одна библиотечка «Короткие повести и рассказы», издаваемая «Советской Россией». Но серия «Короткие повести и рассказы», видимо, здесь пущена на самотек, так как книжки этой популярной серии тоже издаются ныне серо, и создается впечатление, что порою писатели тащат в них отходы: то, что не пошло в журнале или не вместились в сборник.

Много сделала и делает для рассказа «Литературная Россия». Настойчивость ее в этой работе достойна всяческого одобрения. Но рассказы тут печатаются тоже неровные. Еженедельнику изменяет вкус, и над соображениями эстетического порядка нет-нет да и возьмут верх соображения юбилейно-конъюнктурные, о чем уже говорилось в критике.

В чем же все-таки видятся основные пороки современного рассказа? Может быть, они, эти пороки, в рассказе заметней оттого, что читаю я их с пристрастием, да и на «маленькой площадке» виднее все и заметнее.

Болезнь, по-моему, старая – упрощенчество. Раньше оно как-то не так бросалось в глаза. А может были мы к упрощенчеству приучены? Писатели как бы не затруднялись проникнуть в глубь явления, остановиться и подумать над фактом. Он, этот факт, выступал большей частью в голом виде. Затопили, допустим, корабли в черноморском порту, а потом, при обороне этого порта, моряки без водолазных костюмов ныряли и из затопленных кораблей доставали снаряды и крушили ими врага.

Героизм? Да еще какой! Достоин такой материал художественного отображения? Еще как достоин! Так и писалось. Вот моряки-герои ныряют, достают, рискуя жизнью, крушат врага.

Но современный рассказчик, взявшийся за эту тему, обязан еще подумать вот о чем: как это умудрилось командование нашего флота задолго до прихода фашистов затопить корабли вместе с боеприпасами, заранее зная, что порт придется оборонять? Зачем оно вынудило людей совершать героические поступки и гибнуть при этом, тогда как можно было без этого обойтись, дольше удержать порт и без паники эвакуировать население?

Короче: современный писатель обязан проникнуть в глубь явления, зайти на него со всех сторон и семь раз отмерить, а потом уж отрезать. Всегда ли так у нас получается? Нет, не всегда, и далеко не всегда. Достаточно напомнить поток романов, повестей и рассказов о подъеме целины, где молодые герои только то и делают, что тушат горящие хлеба да замерзают в безлюдной степи. А их, между прочим, туда посылали не тушить и замерзать, а работать, поднимать целину, растить и убирать хлеб.

Ей-богу, из всего огромного потока «целинной литературы» сейчас помню один-единственный рассказ Сергея Никитина «Бессонница». Остальное забылось, улетучилось из памяти, как легкая пороша.

Не утверждаю и не берусь утверждать, что упрощенчество осталось на прежнем уровне. Нет, оно стало гибче, что ли, его иногда не сразу и обнаружишь – так оно покрыто изящной словесностью, недурно написанным пейзажем и даже грустноватым настроением, которое особенно успешно прикрывает фальшь содержания и уносит на волне своей от существа дела.

Вот пример такого тонко замаскированного «художественностью» упрощения.

Он и она встретились у неглубокой российской речушки. Он на мотоцикле, она так. Он – хороший, мешковатый мужик, с чуть замкнутым характером и усталостью прожитых лет. Она тоже в годах, тоже не очень словоохотливая, и тоже лежит на ней печать нелегко прожитых лет.

Он помог ей переправиться через речушку. И тут обнаружилось то самое: «Отчего ты мне не встретишься в те года мои далекие?..»

А не встретишься оттого, что он воевал и, вернувшись с войны, сразу же женился, нажил детей. Она тоже, как закончилась война, вышла замуж за фронтовика. Время пришло. Годы не ждут.

Теперь вот встретились незнакомые друг другу он и она. И полюбили. Трудно без любви-то. Она, как говорится, на роду написана, и поздно или рано...

Чем же закончилась эта история? В городе, на конференции, долго избегавшие друг друга, он и она встретились и объяснились. И она отшила его, сказав, что у него и у нее дети, семья и что прожить им надо честно. Словом: «Я другому отдана и буду век ему верна».

Все правильно, все как в учебнике алгебры, где в конце имеются ответы на любую задачу. Хорошая женщина не пошла, что называется, «на поводу» у страсти. Только, когда я дочитал этот рассказ Н. Почивалина под минорным и красивым названием «Запоздалая звезда», мне отчего-то вспомнилась грешная и вечно живая шолоховская Аксинья. Она как-то ближе мне и родней, чем эта «правильная» героиня. Кстати, такая же героиня есть в рассказе Н. Почивалина «Мимо» и в других.

Хитрит писатель, «тонко» хитрит. Его по одному-то рассказу, пожалуй, и не раскусишь. Вот когда прочтешь об одной, другой, третьей героине, выпрямленной и обструганной, как оглобля, тогда уж начинаешь себя хлопать по карманам, искать сигареты, чтоб закурить от «переживания». И сказать хочется, и не только Н. Почивалину, а целому отряду литераторов, которые не в силу бесталанности, а по каким-то другим соображениям мельчат явления жизни, маскируют суть умильными, назидательными проповедями. Милые мои, хочется сказать, ваше вторжение в «эту область» не только наивно и дешево, но и унижительно для писателя. Упрощать, а точнее, оскотлять правду жизни недостойно литератора, талантливого к тому же.

Мне по газетным делам довелось как-то в одном районном городе (лет десять спустя после войны) листать книгу записей гражданского бракосочетания, и бросилось в глаза: невесты старше женихов, и порой значительно старше. Я и без этой книги знал, что целому поколению наших людей пришлось пережить семейную драму, а порой и трагедию. Ведь большинство фронтовиков, изголодавшихся по ласке и семье, с ходу, часто на первой попавшейся девушке, женились, обзаводились семьями. Разумеется, и женщины с ходу же праздновали свадьбы. Да и какие там свадьбы! Тогда не женились и не выходили замуж, а больше сходились. Был такой термин обидный и точный. Неустройство, нужда и многое-многое другое наваливалось на молодоженов, сошедшихся зачастую без любви, сошедшихся в пути, в бездомье.

Астафьев Виктор Петрович Под одной крышей astafevvictor.ru
Сколько потом разваливалось этих скороспелых семей! А сколько и уцелело их, безрадостных, спаянных только детьми и привычкой совместного житья!

И не раз, и не два случалось, что, осмотревшись, пообвыкнув, люди понимали, что они чужие друг другу, и находили того в пути, у речки ли, в соседней ли деревне, кто и назначен был судьбой. И не очень-то «благополучно» завершались и завершаются такие встречи.

Мне не по душе те рассказы и маленькие повести, где авторы с уклоном в густопсовый реализм заключают нашу женщину в злосчастное одиночество, чаще всего в заезжий дом или в окраинную деревенскую избу, и она только тем и занимается, что подпаивает случайных мужиков и волочит их к себе в постель.

И в том и в другом случае то же самое облегченное отношение к жизни, нежелание осмыслить ее, проникнуть в суть явления. Мыслящий художник всегда шел от частного к социальному. Ремесленник же, зажмурившись, бежит от социального к частному! Плюхается на мелководье ремесленник – вода там теплее и неопасно, а нырни вглубь – еще водяной утащит!

Ну, утопить, может, и не утопит, а рассказ не напечатает.

Ребечья боязнь! Она особенно неуместна и бросается в глаза сейчас, когда рассказ наш и вся литература так возмужали и так твердо стоят на своих неходульных ногах.

Этими рассуждениями я отнюдь не склонен перечеркивать все и сказать, что наша новеллистика пашет «по верхам». Более того, на мой взгляд, такие произведения малой формы, как «Судьба человека» Михаила Шолохова, «Иван» Владимира Богомолова, «Ухабы» Владимира Тендрякова, «Браконьер», «Перед праздником», «Последняя охота» Юрия Нагибина, «Кушаверо» Георгия Семенова, «Трали-вали» Юрия Казакова, «При свете дня» и «Приезд отца в гости к сыну» Эммануила Казакевича, «К Кузьме за солью» Владимира Сапожникова, «Объездчик» и «За лесами, за долами» Евгения Носова, «Луна над ячменным полем» Климентия Борисова, «Еще о войне» и «Две осени» Виктора Конецкого, «Под парусом» Геннадия Машкина, «Песнь песней» Анатолия Знаменского, «Дожди» и «Порожний рейс» Сергея Антонова, «Бессонница» и «Крах» Сергея Никитина, стоят иных романов, из которых, если «выдавить» воду, не останется ни материала, ни смысла даже на коротенький рассказ, если к тому же иметь в виду такие «коротенькие» рассказы, как «Солнечный удар» и «Чистый понедельник» Ивана Бунина или «Третий сын» Андрея Платонова.

В связи с этим мне опять придется «спуститься на землю» и потолковать об очень щекотливом вопросе, о котором у нас и говорят, но как-то невнятно, конфузливо. Речь пойдет об оплате рассказа.

В большинстве журналов и издательств он оплачивается полистно, как и роман или повесть. Вопиющая несправедливость! Рассказ, в особенности в нынешнее время, требует большой, изнурительной работы, чтобы быть на уровне лучшей современной новеллистики. Два рассказа Евгения Носова «Объездчик» и «За лесами, за долами» – это плод полугодового очень напряженного труда. За это же время один московский писатель накатал роман и повесть, которые тут же были напечатаны – сначала в журнале, потом в «Роман-газете» – и быстренько вышли отдельным изданием в центральном издательстве, а сейчас уже ставятся в кино и театре, потому что они написаны натрелой рукой. Их, эти бойко написанные, хлесткие, но поверхностные произведения, через год-другой забудут, а рассказам Евгения Носова, я уверен, уготована долгая жизнь. Но честно и мучительно работающий рассказчик сидит «на мели», а романист как сыр в масле катается.

Окиньте взором нашу периферийную – да и только ли периферийную! литературу. Сколько ежегодно появляется толстеньких книг, «наваристых» в основном по гононару, а не по художественной ценности!

Уравниловка больно отзывается на работе писателей. Ряд наших рассказчиков, лучшие из них, все дальше и дальше отходят от «нехлебного» жанра в кино, в театр. Не от хорошей жизни, наверное, почти забросили писать рассказы Юрий Нагибин и Сергей Антонов и начали делать сценарии, киноповести и так далее.

Как много от этого теряет наша литература и сами ведущие новеллисты!

Астафьев Виктор Петрович Под одной крышей astafevvictor.ru
В заключение мне хочется оговориться: я не претендую на исчерпывающий разговор о любимом жанре. И не моя вина, что пришлось мне толковать о «больных» вопросах. Потребность в этом острейшая. Может быть, да и наверное, не мне б об этом нужно было писать, но я надеюсь, что старшие, более опытные писатели и мои товарищи по перу поддержат начатый мною разговор и углубят его.

О ритме прозы

Ответы на анкету журнала «Вопросы литературы»

То, что в анкете нынче названо «ритмом прозы», Бунин в свое время просто и точно называл – «звук».

Слова без звука, как известно, нет. Прежде чем появиться слову, появился звук. Так и в прозе: прежде чем возникнет сюжет, оформится замысел, вещь должна «звучать», слиться в единую мелодию, навеянную внутренней потребностью автора и самой жизнью.

И горе, если во время работы обстоятельства (ох уж эти наши обстоятельства!) уведут от письменного стола иногда надолго и мелодия вещи тогда начинает увядать в душе, рваться – тогда вы замечаете сбои в прозе, видите, как пишущий заматался, у него появилась разностильность, что-то сломалось, что-то «оглохло» в прозе – она не «звучит».

Лучше всего удаются вещи, написанные как бы единым порывом, в которых мелодия рвет сердце, вздымает тебя на такие высоты, что ты задыхаешься от счастья, как птица в свободном полете. Разумеется, от этой музыки какая-то малая лишь частица, может, всего капля упадет на бумагу и отзовется ответным звуком в сердце чуткого читателя. Однако и это уже большое счастье для пишущего, высокопарно выражаясь, – творца.

У нас сейчас, к сожалению, очень много прозы как бы «глухой», составленной из слов, будто печь или стена из кирпичей. Но настоящая русская проза и даже критика (Писарев, Белинский, Добролюбов) всегда имели и ныне имеют свой «звук». Я думаю, что лучшей проверкой достоинства того или иного произведения была бы его проверка «на слух», то есть просто-напросто чтение перед читательской аудиторией. Но это великое мерило литературы, увы, почти утрачено. Полагаю, большая часть нашей прозы не выдержала бы такой, в общем-то, естественной проверки.

Имя Толстого свято

Одно из самых ярких воспоминаний моего детства по какому-то капризу судьбы или закономерности ее связано со Львом Николаевичем Толстым. В деревенской школе, куда я пошел учиться в первый класс осенью тысяча девятьсот тридцать второго года, приезжий учитель прочел нам, сельским детям, еще не умеющим читать, рассказ о Жилине и Костылине. Это было такое потрясение, что я долго не мог ничего более слушать и воспринимать, с криком вскакивал по ночам и все время пытался пересказать жуткую историю о двух русских солдатах, бежавших из плена, всем, кто желал ее слушать. Бабушка, слушая меня, не раз плакала и повторяла: «Господи, Господи! Вот она какая, жизнь-то человеческая, чего только в ней не натерпелась и не натерпелась... – и к случаю наказывала: – Учись хорошенько, старших слушайся – старшие худому не научат...»

С тех пор я не перечитывал рассказ Льва Николаевича Толстого «Кавказский пленник», и перечитывать не буду, ибо живет он во мне каким-то давним, отделенным от всего остального прочитанного и услышанного, ярким озарением, и

Астафьев Виктор Петрович Под одной крышей astafevvictor.ru
мне все еще хочется пересказывать бесхитростную и, может быть, самую романтическую историю в нашей русской литературе. Возможно, и тяга к творчеству началась с того, в детстве искоркой занявшегося, желания поведать услышанное, что-то, конечно же, добавляя от себя.

Самое любимое мое произведение у Льва Николаевича «Хозяин и работник». Оно не только совершенно по исполнению, но еще и поучительно для нас, ныне работающих пером, в том смысле, что в угоду литературной схеме нельзя попускаться жизненной правдой. Уверен, что в исполнении большинства современных отечественных писателей «хозяин» никогда не вернулся бы спасти «работника», не замерз бы сам, наоборот, как и полагается держиморде-кулаку, сделал бы все, чтоб погубить «эксплуатируемого», ибо есть он в нашем понимании «паразит», а у паразита какой может быть характер, какое «нутро»?! Только темное, гнилое, паразитское! Великий же писатель и мыслитель видел и понимал человека во всей его объемности, со всеми его сложностями и противоречиями, порой чудовищными.

Вот в этом, на мой взгляд, и заключается традиция Толстого, воспитанного, кстати сказать, на традициях той зрелой русской литературы, которая уже существовала до него и величие которой он приумножил и поднял на такую высоту, до которой надо всем нам тянуться и тянуться, чтобы заглянуть в ее беспредельные глубины.

Отдельно любимого толстовского героя у меня нет, я люблю их всех, от мальчика Филипка, незадачливого Поликушки и до пугающе-недоступного, прекрасного князя Андрея Болконского и его сестры Марьи.

За жизнь свою я перечитывал «Войну и мир» раз пять. Самое яркое впечатление было, когда я читал эту книгу в госпитале. Те ощущения, та боль, какие я пережил, читая «Войну и мир» на госпитальной койке, больше не повторялись. Но каждое следующее прочтение романа открывало мне новые, ранее не увиденные и неизвестные «пласты», ибо сама эта книга, как Жизнь, как Земля, велика, загадочна и сложна.

Лет десять назад я – наконец-то! – решился съездить в святое место Ясную Поляну и был потрясен равнодушием и праздностью толпы, жидким потоком плавающей по аллеям, дорогам и тропинкам усадьбы. Посетители чего-то жевали, фотографировались на память, хохотали, припоминали какие-то сплетни о Толстом, а главным образом – о жене его и детях. Какая-то простодушная пожилая женщина высказалась насчет могилы Толстого: «Такой, говорят, большой человек был, а могила сиротская, без креста. Денег, что ли, жалко?» Какой-то седовласый гражданин в рубахе-распашонке, с лицом закаленного кухонного бойца, кричал в кафе у входа на усадьбу: «Почему это водка есть, а коньяку нету? Я хочу благородного человека помянуть благородным напитком!..» Рядом сидела его внучка или дочка отроческого возраста, потупив глаза, с лицом потерянном.

Александр Лаврик – тульский писатель, бывший тогда секретарем областного отделения Союза писателей, не выдержал, очурил «бойца»: «Гражданин, опомнитесь! Вы где находитесь-то?»

И «боец» тотчас с радостью напал на него, и мы покидали усадьбу под мерзкий, ржавый, уже сорванный голос кухонного воина, под стук движка, который нудно и ненужно звучал возле дома, на аллейке, как нам пояснили: «улавливает на учет количество газов, сажи и дыма, опадающих на усадьбу, ибо хвойные деревья на ней уже почти погибли, так чтоб не посохли бы все остальные...»

Так бы я, наверное, и уехал домой с тяжестью и растерянностью в душе, если бы не посоветовали мне наведаться сюда в выходной день.

Стоял сентябрь – золотая пора России. На усадьбе редко и еще неохотно падал лист. Было чисто и светло, но главное – безлюдно. Я весь день проходил по усадьбе, и весь день у меня было ощущение, что в спину мне остро бьет взгляд, пронзая меня насквозь и высвечивая во мне все, что было и есть, и я невольно подбирался, припоминал, что сделал в жизни плохого и хорошего. Весь день был я как бы под судом, весь день подводил «баланец» своей жизни.

Это был нелегкий день в моей жизни, ибо трудно судить себя взглядом и совестью Великого художника.

Позднее я высказал пожелание, чтобы каждого вступающего на писательскую стезю,

Астафьев Виктор Петрович Под одной крышей astafevvictor.ru прежде чем принять в Союз и «оформить» как писателя, привозили бы в Ясную Поляну, давали бы возможность побыть «с Толстым наедине» и потом уж спрашивали бы: готов ли он заниматься тем делом, каким занимался Лев Николаевич?

В сумерках уже я пришел к могиле Толстого, постоял над нею, потом дотронулся до холодной, очерствело-осенней травы ладонью и вышел на дорогу.

В Тулу я шел пешком, еще и еще переживал ощущения того строгого покоя, коим наполнены были леса, перелески и рощи усадьбы, той задумчивой тишины, какая осенью была здесь при Льве Николаевиче, и вот продолжилась во времени, коснулась моей души. И мне тоже сделалось спокойно. Суета как бы отхлынула от меня, и казалось, уже не закрутит, не завертит более, чувство, печальное чувство зрелого возраста вселилось в меня тогда, и думалось мне, что я способен и буду делать добро, только добро...

Больше я не бывал в Ясной Поляне и боюсь туда поехать, боюсь встретить жирующих, хохочущих и снимающихся на карточки праздных людей, коим все равно где бывать, в какой «книге отзывов» ставить автограф, чему дивоваться, что слышать, лишь бы «полезно» убить время. И еще я боюсь, очень боюсь не выдержать сурового суда мыслителя и творца, величайшего из людей, рожденных на земле за много тысяч лет ее существования, с которым дано мне было счастье родиться в одной стране – России. Живет во мне вечное сознание любви и страха: я занимаюсь той же работой, которой занимался Он! Так какая же должна быть огромная ответственность во мне и во всех нас, ныне живущих на земле, которую Он пахал, за работу, которую Он так свято, мудро и мученически выполнял?!

Ответ в «Пионерскую правду»

Дорогая Вера Смирнова!

Сперва договоримся о том, что каждый человек неповторим на земле, а я убежден, что и каждая травинка, цветок, дерево, пусть они и одного цвета, одной породы – так же неповторимы, как и все живое и живущее вокруг нас.

Значит, все живое, в особенности человек, имеет или назначено ему природой иметь свой характер, который, конечно же, развивается не только сам по себе, но прежде всего под влиянием среды, родителей, школы, общества и друзей, кому повезет их иметь, ибо дружба, настоящая дружба – награда человеку редкая и драгоценная, порой она бывает крепче и вернее родственных связей и влияет на человеческие отношения куда сильнее, чем коллектив, в особенности при крайних, бедственных обстоятельствах – с поля боя, рискуя своей жизнью, выносят бойца только настоящие, преданные друзья. У меня они, такие друзья, были на войне, есть и в нынешней жизни, и в литературе, и я стараюсь за преданность платить преданностью, за любовь – любовью. Каждую свою книгу, да и строку каждую, и поступок свой просматриваю и прочитываю глазами своих друзей, в особенности фронтовых, чтоб не было стыдно перед ними за плохо, нечестно или неряшливо сделанную работу, за ложь, за непорядочность.

Добрых людей на свете было, есть и, надеюсь, будет всегда больше, чем плохих и злых, иначе в мире наступила бы дисгармония, он перекосялся бы, как нагруженный балластом или мусором на один борт корабль, и давно бы опрокинулся и затонул.

Нет, я не согласен с тобой, что Горький вырос в основном среди «злых людей». Если бы это было так, то в нашей литературе был бы совсем другой писатель, не сострадающий людям, не способный на любовь и самопожертвование ради них, не воспевающий любовь матери и нежность к Родине своей. Нежность и любовь его часто отдают горечью оттого, что люди жили да и еще живут некоторые не по сердцу, не по законам и заветам добра, а подчиняясь обстоятельствам, загнавшим их в угол или спустившим на самое дно мерзопакостного быта.

В детстве Горького была рано угасшая мать, самоотверженно и горячо его любившая, беззаветная бабушка Акулина и даже дедушка Каширин, поровний внука «для науки», жалел его и добра желал ему, готовя к суровым тяжким жизненным испытаниям и

Астафьев Виктор Петрович Под одной крышей astafevvictor.ru труду, которые сам он познал когда-то «на своей собственной шкуре». Иной «науки», иного воспитания дед Каширин попросту не знал. Он, дорогая Вера, жил в другое время и учился жизни совсем не в тех школах, в которых учитесь вы, нынешние дети.

Суровая наука пошла Алексею Максимовичу впрок – малограмотный парнишка с нижегородской ремесленной и драчливой окраины в конце концов сделался образованнейшим человеком и Великим писателем русской литературы, где не так просто было утвердиться и найти свое место – рядом с ним творили и мыслили титаны русской культуры: гений Лев Толстой, «тихий» и проникновенный Чехов, Куприн, Бунин, друг Горького Леонид Андреев и многие-многие другие писатели, мыслители, художники, музыканты, составившие гордость нашей отечественной культуры. А ведь тот же гениальный художник Репин был выходцем из самых низайших слоев общества и, наверное, много познал зла и оттого научился высоко ценить добро.

Нет людей «без характера», есть те, кого в простолюдье звали и зовут бесхарактерными – это люди, которые всю жизнь ищут места в заветрии, кого, как щепку или бумажку, куда несет ветром, туда они и плывут, и «приплывают» они чаще всего или, точнее, прибывает их к тому берегу, где не надо ничего делать, а только тешить себя ленью, ждать, когда заработают и принесут хлеба кусок другие люди, и еще обидятся, что хлеб черствый. Очень часто эти безвольные люди страдали и страдают от бездумья и безделья, тревожатся только о себе, ищут забытья в вине, попрошайничестве, а то и в воровстве, постепенно забывая все, чему их учили дома, в школе, теряя и свой человеческий облик, озлобляясь и скатываясь в число преступников или отверженных, никому, даже близким своим, не нужных.

Конечно же, многое в формировании характера зависит от окружения, от общества, но влияние его бывает неодинаково на каждого человека. Очень часто случается, что в так называемых «неблагополучных семьях» вырастают «неблагополучные» дети, но я знаю множество людей, которые в детстве насмотрелись на разгул и разгильдяйство родителей и никогда и ни в чем не подражали им, наоборот, уносили неистребимую ненависть на всю жизнь к вину, сквернословию, хамству, побоям, дракам, хотя побороть дурное влияние ох как непросто и сложно, требуется большая сила воли, внутренняя дисциплинированность и даже мужество, чтоб быть полноправным гражданином своего общества, а не отщепенцем, наплевательски относящимся ко всему, что есть святого и ценного вокруг, даже к своей собственной жизни.

Один путь у человека, во все времена открытый к самоусовершенствованию, – это неустанное пополнение знаний, расширение жизненных интересов. Человечество накопило не только много смертоносного оружия, и страницы истории его залиты не одним только красным цветом крови и соленым морем слез, человечество в муках, неся неисчислимые жертвы, страдая, творя подвиги на пути познания мира и себя, накопило бездонный клад сокровищ искусства, литературы, им сделаны невероятные открытия в науках, сулящие людям избавление от голода, болезней, горя. Осуществилась вековая мечта человека – он вырвался в космос и готов к изучению мироздания, глубин океанов, продвижений вперед и выше.

Из-за нависшей угрозы войны, из-за постоянной занятости, мне кажется, мы еще не успели осознать, что наделали, каких вершин достигли на исходе двадцатого века.

Вам, нынешним детям и молодым людям, надеюсь, выпадет счастье перевалить в третье тысячелетие, открыть новые миры и, быть может, отыскать в бесконечности мироздания обжитые планеты. Но не думайте, что все это делается само собою, без труда и напряжения.

На уроках истории в школе, наверное, вам говорили, как панически боялось тогда еще разбросанное по материкам и континентам, разъединенное, еще невеликое человечество приближения второго тысячелетия: люди ждали пришествия Христа и Страшного Суда, а затем и конца света, перестали учиться, строить, ухаживать за землей и жильем, выращивать урожай, разводить скот... Не утратили они лишь одно ремесло – виноделие, много пьянствовали, развратничали, иные племена целиком разоружились, потеряли способность защищать себя и добывать пищу охотой и рыбной ловлей, подались жить в пещеры...

Почти на пятьсот лет отбросило себя человечество назад, почти четыре века

Астафьев Виктор Петрович Под одной крышей astafevvictor.ru потребовалось ему для того, чтобы «восстановить память» – научиться строить дома и корабли, восстановить морские и сухопутные пути, возобновить путешествия и торговлю. На исходе пятого века Магеллан совершил кругосветное путешествие – человечество встряхнулось, как бы очнувшись от глубокого обморока, – и началась эпоха Возрождения.

Мы делали и делаем все, чтобы вы, нынешние наши Внуки, вступили в третье тысячелетие с достоинством равных существ, помнящих, что ради вашего светлого будущего многие люди не доучились, не добрали в области культуры, не дожили положенного земного срока из-за лишений, ран и трудовой надсады.

Если вы поймете это, главное, что мы жили, боролись и стиснув зубы, перемогали голод и холод, боль от ран ради вас, вам уже будет проще с открытым сознанием жить, бороться и работать на земле.

Конечно же, дуракам всегда жилось и живется легче, да не соблазнит вас эта «легкость», не захочется вам подражать и дуракам, и тем, кто, не читая книжек, покупает их ради украшения квартиры, кто цепляет на себя побрякушки и похвально дорожит тряпками, умением с шиком курить и пить под лестницей – жизнь человеческая очень еще коротка, чтоб ее тратить на безделушки. Каждому человеку есть место на Земле для приложения сил его и знаний, а в деле, в непрестанном поиске и движении – высший смысл жизни, и тут уж как-то «незаметно» сформируется характер, затем личность, а она, личность, никогда не была и не будет подвержена отравляющей ржавчине вещизма, зависти, злобы и ненависти. Она, личность, на то и существует, чтобы облегчить страдания другим людям, отдать им все свое вплоть до жизни.

Ты спросишь: а есть ли сейчас вокруг нас такие вот великие и простые, как хлеб насущный, люди?

Вот первые, кто пришел мне на память сейчас, когда я заканчиваю эту заметку, – великий хлебороб, мудрец земли русской Терентий Семенович Мальцев; хирург и ученый, делающий операции на маленьком детском сердечке и не одну уже жизнь, а тысячи жизней спасший, – Владимир Александрович Белаковский; маг и волшебник из города Кургана, исправляющий кривые позвоночники, горбы, неправильно сросшиеся кости, на третий-четвертый день ставящий больных на ноги после тяжелых переломов, умеющий удлинять или укорачивать рост человека, этакий добродушный и великий стратотерпец нашего времени – Гавриил Абрамович Илизаров. И многие-многие другие наши современники, которых назовет вам газета, назовут папа с мамой, а если вы хорошо посмотрите вокруг, то и возле себя обнаружите их, наших беззаветных тружеников и воинов.

Вот у них надо учиться умению трудиться, молча страдать, делать добро, не ожидая, что тебе за это «что-нибудь дадут». Я видел в клинике Илизарова, как смотрели на него исцеленные им больные, и, думаю, что эти взгляды, безмерная любовь и благодарность, светящиеся в них, – есть самая высшая и прекрасная награда. И все эти люди, мною названные и не названные, обладают большой внутренней культурой, они – профессионалы в высоком смысле этого слова, но еще и очень начитанные, компанейские люди, просто и с чувством собственного достоинства умеющие держаться в любом месте, в любом обществе, в том числе и за рубежом.

Может быть, кто из старших напомним древнейшую мудрость, что-де «многие знания умножают скорбь». И это так: высококультурный, образованный человек все в мире, начиная от дикого животного, нарядной певчей птицы, живого цветка, речного или морского пейзажа, воспринимает глубже и тоньше, и музыку и живопись, и литературу; горше и больнее переживает потерю не только близких своих, но и тех, кого пытались и не смогли спасти. Я видел не просто седую голову академика Белаковского, а как бы уже по второму и третьему разу начавшую покрываться инеем, и думаю, что, делая операцию на маленьком детском сердечке с врожденным, допустим, пороком, он делает надрез прежде всего на собственном сердце, и ему больно так же, а может, еще больнее, как и ребенку, которого он всем своим умом, всеми накопленными знаниями, всем опытом, всеми силами и мужеством, какие у него есть, старается не просто вернуть к жизни, но вернуть обязательно здоровым, веселым, счастливым.

Внешне же этот большой человек с грустными глазами приветлив, весел, по южному складу характера гостеприимен.

Вот это характер! Это жизнь! Это человек с большой буквы! А уж как он обрел такой характер, сделался таким человеком и специалистом, зависело и от его родителей, и от школы, и от коллектива, где он учился, работал, но более всего зависело это и зависит от самого человека. Распорядиться с толком жизнью – это главная наука, очень непростая.

Учиться можно и нужно ежедневно и ежечасно, начиная от того, что зовем мы природой, и кончая книгами, которые ныне есть почти в каждом доме, только спать надо по четыре-пять часов, как доктор Илизаров или хлебороб Мальцев, особенно в молодости, – молодые люди, спящие помногу, как старики, не знающие, куда девать себя и свое собственное время, на мой взгляд – люди неполноценные.

«Полуправда нас замучила»

Выступление на конференции «История и литература»

(журнал «Вопросы истории»)

Здесь я вижу, что у нас существует история литературы. Когда я учился на Высших литературных курсах в Москве, то за два года я вообще об истории литературы не слышал. Эти слова не употреблялись в наших аудиториях. Хотелось бы выяснить, что это все же такое? Как история литературы выглядит и какой она была в определенные времена?

В нескольких выступлениях все время, как и в газетах сейчас, звучало одно и то же имя: Сталин, Сталин, Сталин... Разумеется, у меня есть свое отношение и к этому отрезку времени, и к этой личности. Мне пришлось жить одно время в Курейке, где Сталин находился в ссылке. И я думаю, что не так все просто и ординарно, как это сейчас преподносится. Используется очередной громоотвод в нашей истории, в том числе и в истории литературы, чтобы свалить на эту личность все наши беды и таким образом, может быть, проскочить какой-то отрезок пути, для нас очень сложный; а может быть, удастся действительно самим чище выглядеть? Во всяком случае, я не знаю, что страшнее и что вреднее для нашей истории, для нас с вами, брежневских времен. На их материале, на фоне личности Брежнева, я считаю, и общество наше, и мы выглядим просто неприлично! Это тоже имеет отношение к истории, ведь любой отрезок времени – это история; Хрущев – это уже история, и Брежнев, как бы ни хотели от воспоминаний о нем избавиться, – тоже история. Причем, я считаю, история весьма позорная. И особенно она позорна для нас, фронтовиков, которым удавалось в большинстве своем вести себя достойно на войне и не очень достойно – в период «брежневщины». Я как-то был у своего фронтового друга. Это совпало со временем, когда награждали Брежнева орденом «Победа». Друг мой, бывший десантник, потом артиллерист, человек очень большого мужества, честнейшей жизни, прошедший после войны путь от сцепщика вагонов до крупного руководителя металлургии, был секретарем райкома, спросил меня: «Когда нас кончат унижать?» Я ему ответил: «Нас будут унижать до тех пор, пока мы будем позволять это делать». Я думаю, то, что сейчас называется «историей литературы» – это как раз унижение нашей литературы, нашей мысли и нашего не очень равномерного развития, в том числе развития литературного.

Хочу остановиться на таком вопросе, как история Великой Отечественной войны. Сейчас все время говорят о коллективизации, о перегибах при ее проведении. Это тема очень сложная, трагическая. И почти не говорят о том, что мы как-то умудрились не без помощи исторической науки сочинить «другую войну». Во всяком случае, к тому, что написано о войне, за исключением нескольких книг, я как солдат никакого отношения не имею. Я был на совершенно другой войне. А ведь создавались эшелоны литературы о войне. Например 12 томов «Истории второй мировой войны». Более фальсифицированного, состряпанного, сочиненного издания наша история, в том числе и история литературы, не знала. Это делали, том за томом, очень ловкие, высокооплачиваемые, знающие, что они делают, люди. Недавно схватились два историка, Морозов и Самсонов, в споре о частностях в этой истории. Я написал письмо редактору газеты о том, что историки в большинстве

Астафьев Виктор Петрович Под одной крышей astafevvictor.ru своим, в частности те, которые сочиняли историю Великой Отечественной войны, не имеют права прикасаться к такому святому слову, как правда. Они потеряли на это право своими деяниями, своим криводушием. Им надо покаяться, очиститься.

Недавно в «Литературной газете» была помещена великолепная полоса, посвященная 1000-летию Крещения Руси. Дали возможность высказаться зарубежным общественным деятелям, зарубежным философам. И они черным по белому пишут: «Мы знаем, а вы не знаете!» И это действительно так. До сих пор мы не знаем, сколько людей потеряли в Великой Отечественной войне. Я слышал массу разных цифр. Но мне хотелось бы знать как солдату, сколько народу мы все-таки потеряли? В последнем издании «Истории Великой Отечественной войны» написано: «более 20 миллионов». Я представляю себе, сколько стоило труда, чтобы слово «более» было вставлено! И какие препоны преодолели какие-то люди, какое-то здоровое ядро, работавшее над этой совершенно ужасной книгой, которые это слово сумели вставить. А люди думают: что за этим «более» скрывается? Когда же с нами, уже доживающими свой век, перестанут разговаривать какими-то полунамеками, полуправдами? Полуправда нас измучила, довела нас до нервного истощения.

То, что русская литература на каком-то этапе сумела как-то выправиться, создать целое направление, т. н. «деревенскую прозу», ряд великолепных книг, я думаю, это произошло не благодаря науке истории, а вопреки ей. Когда касаешься целых отрезков, очень сложных и очень трагичных отрезков времени, и узнаешь затем откуда-то со стороны о том, что в 1941 г. из пяти больше трех миллионов наших воинов попали в плен, то ужасаешься. Как относиться к этим цифрам? Я до сих пор отношусь к ним с недоверием. Цифры эти меня просто ошеломили. Но когда вспомнишь о том, что в той же книге об Отечественной войне не перерисованы карты, и если вы внимательно посмотрите эти карты и текст, который сопровождает их, то увидите полное расхождение между ними. Мы просто не умели воевать, мы просто залили своей кровью, завалили своими трупами фашистов. Вы посмотрите на любую карту 1941-го и даже 1944 г.: там обязательно девять красных стрелок против двух синих, вражеских. И на протяжении всей войны было так. Одна 11-я армия Манштейна разгромила на глазах у Черноморского флота все наши армии, которые находились в Крыму, прошла через Сиваш, оставив потом часть своих войск под осажденным Севастополем, с двумя танковыми корпусами Манштейн сбегал под Керчь и опрокинул в море три наши армии! Я понимаю, что об этом писать очень тяжело. Лучше, конечно, когда под барабанный бой провозглашается, что мы победили! Но как победили?

Может быть, стоит прислушаться к словам Честертона, что все победители в конце концов становились побежденными? Если сейчас глянуть на центр «деревенской» России, которая была в основном поставщиком солдат, то, у меня во всяком случае, создается впечатление, что мы – побежденные. Мы с трудом сейчас начинаем подниматься, не исправлять еще, до исправлений далеко! Посмотрите на то, что делается, допустим, в провинции, на то, как встречается там слово «перестройка»... Общество перестраивается не сразу. Оно переделывается медленно, оно заостенело. Руководство, которое было на местах, осталось, оно спокойно переживает: может быть, все это кончится и все будет как было.

И все-таки история Великой Отечественной войны, история коллективизации и сама литература не должны ограничиваться каким-то кругом тем или сочинений. Вот «Литературная газета» объявит список произведений и начинает их прорабатывать. А многие великолепные книги, писатели остаются в тени, и совершенно необоснованно. Так остался в тени Константин Воробьев. Сейчас нигде не упоминаются романы Ивана Акулова «Крещение» и «Касьян Остудный» – лучшая книга о периоде коллективизации. Долго не упоминалась поэма Твардовского «По праву памяти». Теперь это произведение издано, и следом прошли, к сожалению, сокращенно, воспоминания брата поэта, Ивана Трифоновича, очень горькие и очень честные воспоминания. Так история начинает создаваться помимо Академии наук. А большинство наших писателей даже не знают, что в ней, оказывается, занимаются историей литературы.

Очень часто все наши выступления сейчас на периферии воспринимаются как духовное начало. И каждый из нас должен взять на себя смелость и ответственность нести в народ это духовное. Народ считает, что мы должны сказать ему правду, закрыть ту яму, в которую попала наша культура. На периферии нас захлестнула мутной волной массовая культура. Да и на периферии ли только? Растет молодежь, которая не знает ни настоящей литературы, ни искусства. Она смотрит в большинстве своем такие телепередачи, как «Взгляд», «До и после полуночи». Ничего не могу сказать, передачи хорошие, хотя и очень засоренные псевдокультурой, в особенности

Астафьев Виктор Петрович Под одной крышей astafevictor.ru
музыкальной и вокальной.

Опять очень много говорится слов, красивых, дежурных, всяческих, и очень мало дел, настоящих. Как бы снова не утонули мы в словах о перестройке и демократии, как было уже не единожды. На местах, на периферии, почти ничего не сдвинулось с места. Есть какие-то внешние признаки перестройки. Всем нам, всему народу надо очнуться, набраться сил, мужества, спокойствия, чтобы не дергаться и выправить положение. Кто-то способствовал всему тому, что произошло; способствовал Сталин, способствовал Брежнев, но все-таки и мы с вами способствовали. Были же люди, которые и во времена Сталина и во времена Брежнева вели себя прилично; имели мужество не блудословить, хотя бы, а молчать. Нужно как то искупать свой позор, свою вину, соответствовать тому назначению, которое определил нам народ, судьба, история.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!